

УКОРЕНЕНИЕ

ЛИСЕНОК

Наконец они добрались до этого вулкана. Каждый раз, когда они оказывались в Клермон-Ферране, а это происходило на рождественские праздники, им мешал туман, который покрывал все окрестности, в том числе и его любимую крепость Мюроль. В этот приезд им повезло. Они увидели всё, начиная с плато, на котором легендарный галльский полководец Верцингеторикс сражался с Цезарем и якобы победил его, хотя Цезарь якобы не проиграл ни одной битвы, и, заканчивая замком тамплиеров в маленьком городке Шанона, на улицах которого они не встретили ни одной живой души. Чума на них напала, что ли? — в таких местах мыслилось средневековому.

Самый молодой из вулканов умер двадцать тысяч лет назад и издали казался безобидным холмом, чуть больше других. На высоте тысячи метров над городом туман чудесным образом рассеялся, и на земле наступила весна.

— Почему ты не хочешь идти по дороге?

— У нас существует пословица: *Жизнь прожить — не поле перейти.*

— Не понимаю...

— Поле перейти легче, чем прожить жизнь.

— А... — он нехотя потащился за ней по заснеженному полю. — А что ты хочешь там найти?

— Видишь эту темную бездну между деревьями на той стороне?

— Тебя привлекают бездны?

— Не знаю почему, но эта действует на меня как магнит.

Она продолжала идти навстречу хвойным ветвям вдали. Белесоватая дымка на небе, из-под которой пробивалось солнце, охраняла глаза от яркого света в горах, на серой земле прямо из-под ног выростала трава. Между полем и лесом её встретил могучий дуб, каждая ветвь которого могла показаться огромным деревом. Она испытала какое-то подобие нежности к этим голым ветвям, покрытым мхом. Стянула перчатку и стала

разглаживать их морщины. Ей очень хотелось попросить у этого дуба силы, как учила бабушка в детстве, но она как будто постеснялась и только молчаливо обняла огромный ствол.

Её спутник медленно разворачивался, надеясь, что прогулка окончена и можно вернуться к машине. Но её продолжало тянуть дальше — в глубину высохших деревьев. Она обогнула дерево и продралась сквозь сухие ветви кустарника. И тут же вскрикнула от неожиданности, наткнувшись на рыжую шкуру, лежащую на земле. Он уже стоял рядом и заглядывал через её плечо.

— Это... лиса?

— Похоже.

— Она что... спит?

Они подошли совсем близко. Её глаза были закрыты, а уши стояли торчком. Пышная шерсть укутывала лису с головы до длинного хвоста, оставляя место для единственной лапки, которая как будто отделилась от тела.

— Пошли, — не выдержал он.

— Но... Если ей нужна помощь?

— Не трогай её. Это опасно: может, она больная. А может — мертвая.

— А если мы её спасем?

— Вряд ли. Скорее всего, она умерла от старости. Смотри, у неё закрыты глаза.

— Но её шерсть... Она так прекрасна...

— Наверное, она умерла совсем недавно.

— Тогда, может, просто возьмем её как охотничий трофей?

— Это запрещено. Тебя обвинят в убийстве.

— Но когда она пройдет экспертизу, и подтвердится моя невиновность...

— У нас всё равно запрещена охота.

— Не может быть! Когда?

— Кажется, во время размножения и во время снега. Точно не помню...

— А почему во время снега?

— Потому что бедных зверей очень легко найти по следам.

Она не стала настаивать. В этот момент в ней проснулось сразу несколько существ: одна из них была сердобольной женщиной, которая хотела помочь животному, вторая — охотником, желающим носить на плечах её шкуру, а третья... А третья была Лисицей.

— Вот и встретила я со своей смертью. А ещё говорила:
Жизнь прожить — не поле перейти.

— Почему — со своей? — испуганно переспросил её спутник.

— Потому что это одно из моих имен. Так меня зовут мои старые друзья.

— Ну и что?

— А то, что я ведь тоже могу так умереть — в полном одиночестве.

— Если ты и умрешь, то на своей постели.

— Какая разница — на постели, на земле...

— Перестань говорить глупости. Ты сегодня не выпалась.

Она резко развернулась и пошла обратно. Прогулка была исчерпана.

— К машине? — с надеждой спросил он.

— Да. Я уже получила ответ.

— Странно — ты получила ответ, не задавая вопроса.

— Иногда вопрос и ответ — одно и то же.

— И какой же ответ ты получила сегодня?

— Мне нужно поменять своё имя, научиться прощаться со своим прошлым. Даже если оно для меня — бесценно.

— Ты хочешь сказать, что согласна остаться на всю жизнь во Франции и стать мадам Фрээз?

— Точнее — присоединить мою фамилию к твоей.

— Ты хочешь войти в будущее со своим прошлым?

— Наверное. Я отлично понимаю, что вокруг имени оплотняется внутренняя жизнь, как писал Павел Флоренский...

— Кто?

— Русский религиозный ученый, священник и филолог. У него есть книга «Имена»...

Имена... Сколько их было в твоей жизни. Сколько раз ты меняла их... Твои авторские мифы могли бы изучать десятки филологов. При рождении тебе дали имя Леси Украинки — в честь великой украинской поэтессы. Но твои родители забыли, что поэтесса была больна и умерла от туберкулеза. И чтобы поставить жирную точку на твоих болезнях, мама стала называть тебя Елена — как-никак тебя крестили этим именем. Но оно не прижилось. По иронии судьбы во Франции тебе не раз приходилось напоминать о себе как о Лесе из Ук-

раины. Потом мама стала звать тебя Лялей, а папа — Лесюшей. В его устах это звучало довольно смешно, так что все ухахатывались, когда слышали, как тебя, взрослую и большую уменьшительно ласкали этим суффиксом. После маминной смерти Ляля исчезла, и Лесюша появлялась всё реже. И тогда тебя стали награждать именами твои друзья и знакомые: Олеся — когда хотели отождествить с белорусской магиней, Леле — когда пробовали лепетать твое имя, как дети, которые только начинают знакомство с миром, принцесса Ли — когда ты играла на сцене восточные персонажи, Лилит — когда степень твоей свободы угрожала твоим Адамам разрушением, Лесенка — когда с твоей помощью поднимались к своим небесам, Лисенок... Последнее прижилось и полюбилось. В нем было всё: лукавство, ласка, оборотничество... Интересно, помнили ли те, кто называл тебя так, что лисы в китайской мифологии обладали способностью обращаться в людей и насылать на них морок?

С недавних пор этот образ преследует тебя повсюду. Даже когда ты выходишь из музея Мармоттан-Моне, воплотившего сразу две твои мечты — кувшинки Клода Моне, любимого тобой с момента первого Эрмитажа, и японские эстампы из его коллекции — и натыкаешься на памятник Лафонтену, сверху вниз взирающему на лисицу, привлеченную запахом сыра в зубах невинной вороны. Тогда ты улыбаешься навстречу себе: сыры — твоё любимое лакомство, и здесь, во Франции ты пробуешь их, смешивая со всеми видами пищи и вызывая праведный гнев у коренных французов, почитающих сыры наравне с вином. *Вот он — символ заплесневелой Франции!* — воскликнет один из эмигрантов, заглянувший в холодильник коренного жителя и учуяв единственный запах: рокфора в прожилках плесени.

Но нужно ли объяснить всё это тому, кто сидит напротив? Не лучше ли сказать, что ты привыкла к этому имени, и тебе жаль расставаться с ним, несмотря на сегодняшний знак, более очевидный, чем когда-либо. Твой Лисенок отжил свои дни. Твоё прошлое успело состариться и даже умереть. Оно лежит перед тобой красивым животным с закрытыми глазами, ещё не успевшим подвергнуться распаду. А ты до сих пор возвращаешься к нему, откликаясь на голоса старых фантомов, дорогих твоей памяти. Ты идешь к нему на встречу через незнакомое поле, которое отделяет тебя, настоящую, от той, каковой ты была. Но с это-

го дня ты будешь встречать своё прошлое умершим, лежащим в траве ничком. И каждый раз ты будешь испытывать соблазн нагнуться и поднять его, чтобы унести с собой в будущее.

— Но ты же не позволишь мне сделать это?

— А почему бы тебе не взять лучшую часть своего прошлого в будущее?

— В нём слишком много того, что будет притягивать меня обратно и мешать двигаться вперед.

— Тогда скажи, как правильно произносить твоё настоящее имя.

— Настоящее?

— Я имею в виду то, которое я могу прочесть в паспорте.

— А, это... С ударением на первый слог.

— Лесья?

— Да нет же: *Лесья*. Сто первый раз: с ударением на первый слог!

— Но ударение на первый слог — это же проблема людей, которые живут в холодных странах! Боясь того, что слово зачленеет по дороге, они стараются поставить акцент как можно быстрее, чтобы донести смысл до своего собеседника. Мы, люди теплых стран, люди латыни, никуда не спешим, мы затягиваем удовольствие произнесения и ставим акцент в последний момент, благодаря чему слово несет в себе некую тайну...

— Но если учесть то, что вы говорите быстрее нас, эта тайна исчезает во мгновение ока.

— Не придирайся. Итак, вернемся к нашим баранам, Лесья.

— Нет, нет и нет: *Лесья*. И бараны тут не при чем.

— Это французская поговорка, ты же знаешь. Она означает: вернемся к теме нашего разговора.

— Я настаиваю: *Лесья*.

— Но это же неправильно! Когда я произношу так, последний слог становится коротким и не дает мне продлить твоё имя. Я начинаю задыхаться в нём. А когда я произношу *Лесь-Я*, я протягиваю большую сияющую радугу между тобой и небом, между мной и тобой. Я превращаю тебя в богиню, бесконечную и бессмертную...

— Тогда ты меня убедил. Можешь произносить с ударением на последний слог.

И хотя с ударением на последний слог произносятся все французские слова, ни одна женщина не откажется от такого комплимента. А Лисёнок... Пусть остается там, где его оболочка помогает найти один из ответов на бесполезные вопросы прошлого.

ДУХИ ДЕРЕВЬЕВ

Выставка проходила в маленьком помещении протестантской церкви в сердце Латинского квартала. Этот зал использовали не только для службы, но и для светских мероприятий — театральных фестивалей, поэтических вечеров и вот теперь — для совместного проекта литературной ассоциации и художественной выставки.

Экспонаты стояли прямо на сцене. Это были куклы. Клоуны, ангелы, балерины, матрешки, светские миловидные красотки, принцессы и тролли возвышались на краю сцены и среди них автор как ещё один экспонат — миловидная молодая женщина, которая рассеянным взглядом окидывала присутствующих и, едва поворачивая голову необыкновенно правильной формы, улыбалась одними глазами. Внимание Александры привлекла незаметная, на первый взгляд, фигура нимфы. Именно минимализм в использовании выразительных средств отличал её от привычных, бросающихся в глаза своей красочностью, остальных персонажей. На ней не было ни пышного убранства, ни привлекающих взгляд деталей. Она сидела на ветке, прислонившись лбом к стволу. Её античный профиль соединял в себе созерцательность и покорность одновременно, воплощая понимание того, что она часть целого. Вырастая из ярко зеленого листа и обхватив его, как колени, которые вращали в сердцевину стебля, она сидела, слегка наклонив голову и опустив взгляд, в обрамлении сиреневых волос на грациозной шее. Образ довершали прозрачные крылья — листья, окружившие её стыдливо обнаженное тело. Она как будто знала, что в отличие от других нимф она смертна, и это ещё более сближало её с присутствующими.

— Папа, я тебя умоляю, — только и произнесла она, не в состоянии оторваться от хрупкого силуэта, навстречу отцу, снимавшему всё самое интересное, что происходит в Париже, и всегда бравшего с собой дочь, а также карманные деньги на случай, если ей понравится какая-нибудь вещица ручной работы. Дочь поставила нимфу у себя в комнате на комод рядом с кроватью и

любовалась её профилем каждый раз, когда ложилась спать. Комод также появился не так давно. Ему было минимум сто лет, а дереву, из которого он был сделан, — гораздо больше. Когда встал вопрос о новой мебели, их друг, работавший в антикварной лавке напротив и помешанный на всём старинном, посоветовал покупать мебель из настоящего дерева.

— Покупайте на броканте, хотя бы девятнадцатый век, — советовал он. — Не прогадаете. Старинная мебель обладает настоящей ценностью. Не то, что современная. Даже если её продают в Рош Бобуа. Через несколько десятилетий она выйдет из моды, а антиквариат всегда останется актуальным, даже будучи старомодным, — убеждал он.

Ей повезло: шкаф и комод, которые она выбрала на распродаже антикварной мебели, оказались девятнадцатого, а секретер — конца восемнадцатого века. И стоили, как ни странно, совсем недорого.

— Ну, за таким секретером, тебе точно удобно работать будет! — обрадовался отец, который давно хотел, чтобы непутевая дочь, до сих пор не выбравшая себе специальность, хотя после окончания школы уже прошло несколько месяцев, включилась, наконец, полноценно в его бизнес и помогала обрабатывать фотографии.

Вот только после покупки этой мебели Александра стала просыпаться чуть ли не каждую ночь. По ночам шкаф то ли ворчал, то ли стонал, то ли жаловался, издавая такие звуки, как будто дух дерева пробуждался в нём и всем своим естественным взывал: пошто срубили? Первые несколько дней Александра вообще долго не могла заснуть. И всегда вспоминала один и тот же эпизод из своей прошлой жизни, как она называла её в шутку. Это было, когда она ещё жила в Украине на краю маленького города, неподалеку от леса. За несколько месяцев перед смертью её мама, которая во время затяжной болезни неожиданно почувствовала себя лучше, предложила погулять в лесу. Едва они ступили на тропинку, ведущую в березовую рощу, как мама утомилась — она была очень слаба — и вспомнила, как её собственная мать советовала обнимать дерево, чтобы появились силы. Она облокотилась устало на ствол и, словно ухватившись за надежду, обняла его из последних сил. А потом устремила глаза к кроне и обнаружила, что это было единственное высохшее в березовой рощице дерево. Мертвое дере-

во. Через два месяца мама умерла, а её дочь с тех пор никогда не обнимала деревья. Но очень любила бродить среди них, смотреть на изогнутые стволы, которые она предпочитала ровным, находя, что такое несовершенство сродни её сегодняшнему житью-бытью.

Они жили под Парижем неподалеку от Булонского леса на третьем этаже старого бетонного дома в маленькой уютной квартире с окнами, выходящими на красивый ухоженный дворик. Девочка очень любила этот дворик, она подолгу смотрела на симметрично подстриженные кусты, как будто пытаясь проникнуться гармонией, привнесенной рукой человека в природное естество. Но больше всего в округе она любила парки и леса и могла часами бродить в них, забывая о времени суток и уроках. Она вообще забывала учиться и кое-как окончила школу. Благо, её отец к этому времени открыл свою мастерскую. Приехав во Францию десять лет назад для участия в коллективной выставке, он остался здесь, влюбившись и вскоре женившись на француженке. Так, в раннем школьном возрасте у Александры появилась новая мама и новая страна. Время помогало ей вымыть из памяти остатки прошлого, а отец никогда не затрагивал в разговоре печальной темы. Ещё по привычке они перекидывалась несколькими словами на русском, но оба чувствовали, как родной язык постепенно отдаляется.

Когда Александра подросла и окончила школу, она стала подрабатывать фотографом в ателье отца. Поначалу в качестве его секретаря. Но он всё чаще поручал ей фотографировать клиентов, в основном на официальные документы. Девушка выполняла свою работу добросовестно, но без особого энтузиазма, так что отец иногда упрекал её: какой же фотограф может получить из человека, равнодушного к субъекту, сидящему в кадре? Она послушно кивала, понимая, что он прав, но думала при этом: если бы в кадре сидели какие-то другие существа, наверняка, она бы снимала их с большим интересом. Например, животные или неподвижные растения — в общем, те, что не умеют позировать. А ещё лучше — деревья. Они бы точно не пытались предстать перед другими в лучшем свете, не всматривались пристально в свои изображения на экране с целью найти идеальную версию себя и не просили бы их переснимать. Спокойные и мирные, они бы украшали фотографию, войдя в неё так же естественно, как они вписываются в пейзаж.

Однажды, после работы, выйдя из мастерской, Александра пошла, куда глаза глядят. А глядели они в сторону Булонского леса. Через сотню метров она обнаружила, что оставила у себя на шее фотоаппарат, но ей не хотелось возвращаться: она чувствовала себя немного уставшей. Общение с людьми всегда отнимало у неё силы и она восстанавливала их общением с природой. Приближаясь к деревьям, она ощутила, как благодатная энергия начинает вливаться в неё. Девушка отложила аппарат, присела под дерево, обхватила колени руками, совсем как её любимая дриада. От деревьев веяло спокойствием и тишиной. Было начало апреля. Стволы ещё не скрылись в пышной листве, небо просвечивало сквозь ветви, но природа уже готовилась к тому, чтобы восстать ото сна в миллиардный раз. Она смотрела на деревья с неосознанным восхищением, и ей казалось, что им нравится такое отношение, что деревья любят, когда ими восхищаются и охотней выпускают под свою сень. *Под сенью девушек в цвету* — выплыло из памяти название одного из романов Пруста. *В поисках утраченного времени* она рассеянно оглядывалась по сторонам. Редкие люди тихо выгуливали собак и детей, совершая привычный моцион. Роман она так и не прочла до конца, хотя её друг, большой знаток французской литературы, уже несколько раз намекнул на то, что всякий приличный человек просто обязан знать классику, если он хочет влиться в культурную жизнь страны, которая его приютила. Она соглашалась, но Пруста отложила. Лишившись своих корней, она не стремилась пускать корни в новую землю, а как будто зависла между двумя странами, двумя культурами.

На этой мысли она остановилась, поскольку почувствовала под руками что-то твердое и выпуклое.... Это были корни дерева, которое её приютило. Как будто они не смогли поместиться под землей, и, позавидовав участи веток, вылезли наружу посмотреть на белый свет. Она погладила их, словно жалея, немного отстранилась — они напоминали голову барашка. Потом она скользнула глазами вдоль ствола и вдруг — не может быть — ей показалось, что дерево улыбнулось, словно отвечая на её ласку. Она вскочила на ноги и внимательно посмотрела на ствол. Ничего не увидев, она снова присела на корточки и снова, устремив взгляд вверх, увидела улыбку дерева. Казалось, нужно было только слегка опуститься перед ним, чтобы различить его выражение. Она схватила фотоаппарат и принялась запечатлеть то, что увидела внутренним взором, обходя дерево со всех

сторон: корни, ствол и, наконец — ветви. Оказавшись в доме, девушка бросилась к компьютеру, но, посмотрев на снимки, была разочарована: угадать под корой выражение, с которым смотрело на неё дерево, было невозможно. Никакие эффекты не работали: ни экспозиция, ни контраст...

Она решила повторить свою попытку на следующий день. Бродя между деревьями, она всматривалась в каждое, как всматриваются в картины импрессионистов: то приближаясь, то отдаляясь. Но только редкие из них отвечали на её поиски неким намеком на выражение. А может быть, ей это только казалось. И всё равно: она без устали снимала их позы, изгибы ветвей и почки, готовые вспыхнуть зеленью, а также едва заметные листочки, пробивающиеся после зимнего сна. Она так задирала голову в желании запечатлеть первые пробивающиеся признаки жизни, что чуть не упала. Резкий запах алкоголя вернул к реальности. В двух шагах от неё стоял бомж и плотоядно улыбался. Она непроизвольно отодвинулась на пару шагов.

— Вы фотографируете... деревья? — обратился он вежливо, сделав небольшую паузу перед последним словом.

Александра кивнула.

— А что вам это дает? — вкрадчивым голосом продолжал он.

— Удовлетворение, — как можно резче произнесла она и двинулась туда, где виднелись люди. Но он не отставал:

— Это ваша работа?

Она задумалась и даже чуть было не остановилась: да, фотография — её работа, но если бы отец увидел, кого она сейчас фотографирует, он вряд ли счел бы это профессиональным занятием.

— А кто вы по образованию? — Бомж настойчиво приближался, всем своим существом давая понять, что ему тоже не чуждо чувство прекрасного, но запах, исходящий от него, не внушал никакого желания продолжать диалог. К тому же, его вопрос застал её врасплох: она немного стыдилась того, что до сих пор не поступила в высшее учебное заведение. А тут ещё какой-то бродяга напоминает о нелестном пробеле в её жизни. С досадой она покопалась в памяти и подобрала слово, которое мама всегда употребляла по отношению к бабушке: филолог. На этом слове бомж на минуту застыл, как будто обдумывая, стоит ли продолжать поиски истины, и, наконец, отстал.

По правде говоря, даже грамотные французы заглядывают в словарь, пытаясь понять, что имеется в виду под этим словом. Дело в том, что Франции к обобщениям в научной среде относятся осторожно и предпочитают разделять специальности литературного критика и лингвиста. Об этом девушке поведал всё тот же всезнающий друг, обожающий при любой возможности блеснуть интеллектом. Желая его развеселить, она поделилась историей, происшедшей с ней накануне, закончив, правда, на грустной ноте:

— Наверное, он хотел поговорить, ведь его все избегают. А я не смогла поделиться с ним даже каплей человеческого тепла!

— Ты что, действительно не понимаешь? — Вместо того чтобы рассмеяться, воскликнул её собеседник. — Это же опасно: бродить по лесу, даже такому обжитому, как Булонский! Да ещё и разговаривать с бомжами! Ты хотела, чтобы я потом искал среди деревьев твоё тело? Может, ты ещё с трансвеститами начнешь общаться?

Она рассмеялась: история, казавшаяся забавной, произвела на её друга совершенно неожиданный эффект.

— Больше никогда не отвечай на вопросы бомжей, — добавил он. — Пообещай мне.

Она промолчала: такого обещания она никак не могла дать. Но ей было приятно волнение того, с кем она, пусть и редко, делила свои свободные часы. Они были знакомы не больше полугода, но за это время успели привязаться друг к другу.

Вскоре она узнала, что в округе, помимо Булонского леса, находятся ещё несколько парков. Как можно было не поинтересоваться этим раньше, живя здесь столько лет, оставалось загадкой. Правда, деревья в парках, в отличие от лесных, чаще всего не показывали своего истинного лица, а отделялись от любопытных взглядов оригинальностью форм, которые лежали в основе их взаимодействия с другими, себе подобными. Так самородки рождаются подальше от цивилизаций и раскрывают свой талант вдали от столичной жизни. Каждый день после работы или во время обеденного перерыва Александра выходила или выезжала в один из них на своём маленьком Ситроене, который отец подарил ей совсем недавно на восемнадцатилетие. С неутомимостью неопита она бродила среди кустов и деревьев, оставляя на одежде следы от сухих веток, норовящих поцарапать всё, что попадалось им на пути, а на ботинках — чудовищные налёты грязи.

Как-то, ещё в начале своей лесной одиссеи она появилась на пороге отцовского ателье в таком виде, когда в него входили приодетые и покрашенные для фотографий женщины. С улыбкой вспоминала она первую реакцию своего родителя: он бросился на неё, как на амбразуру, закрывая своим телом от взглядов клиентов небольшую фигурку и начал строить такие гримасы в сторону её одежды и особенно обуви, что удержаться от смеха было почти невозможно. Отец был плохим актером, и она и не поняла вначале выразительных попыток его мимики. Тогда он зашипел на русском, чтобы его поняла только дочь:

— Выйди сейчас же и приведи себя в порядок.

— Где?

— Где хочешь, — зашипел он ещё сильнее.

Пришлось искать кафе, где, заказав чашку горячего капучино, можно было без стеснения воспользоваться туалетом, чтобы смыть следы земли и отряхнуть одежду. Когда Александры посмотрела на себя в зеркало, она вспомнила бомжа, желающего завязать с ней беседу, и улыбнулась.

Она старалась не пропускать ни одного дня работы на пленэре и очень торопилась, ведь растущая листва могла вскоре скрыть то, что она искала с такой настойчивостью: дух дерева, незаметный в другое время года. У Александры была небольшая проблема со зрением: разница между глазами в пять диоптрий позволяла видеть одним глазом близкие предметы, а вторым — отдаленные. Ни одни очки не могли предложить комфортный компромисс — глаза быстро уставали и краснели. Поэтому офтальмолог подобрал ей линзы с разницей в три диоптрии, чтобы глаза выдерживали как можно дольше. Возможно, поэтому она так и не решилась поступить на факультет литературы в Сорбонну, куда поначалу собиралась, и где нужно было читать очень много. Но, оказалось, что благодаря изъяну она может видеть то, что скрыто для людей с нормальным зрением. Через несколько фотосессий она поняла, что каждое дерево — это потрясающая модель, интересная в одних ракурсах и совершенно обыкновенная — в других, а также то, что у многих взрослых деревьев с годами появляется своё особенное выражение и его можно найти в самом неожиданном месте. Чаще всего — на середине ствола, но иногда — у самых корней. Стоит только подойти поближе, присмотреться, иногда заговорить или прикоснуться — и дерево откроет своё лицо, свою внутреннюю сущность, которая в любое другое время то ли осознанно прячется,

то ли просто дремлет под высохшей корой. Деревья смотрели на мир то застенчиво, то задумчиво, то радостно, с улыбкой, то недовольно, с гримасами страха, отвращения и даже угрозы.

В это время года плющ, обильно покрывающий поверхность лесов, ещё не захватил землю в свои паутинные лапы, и на глаза то и дело попадались пни и коряги, один выразительнее другого. Александра обожала их фотографировать и приносила домой десятки кадров, отведя им особую папку, которую она назвала: Духи срубленных деревьев. Все они хранили в своем естестве воспоминание о прошлом, когда они росли, тянулись к небу и впитывали каждым листком благодатное солнце. Память о свете иногда озаряла их хмурые лица, пропитанные земными темными энергиями, но, сетуя на свою судьбу, они всё больше обрастали выражениями недовольства, раздражительности и гнева. Юный фотограф то там, то здесь находила драконов, морских чудищ, динозавров, а также троллей и гномов. Они, хоть и с неохотой, но позволяли себя фотографировать, как будто заранее злорадствуя тому, что на экране компьютера будет гораздо тяжелее рассмотреть открывшееся на природе. И действительно: из сотен фотографий только некоторые могли в полной мере полностью передать увиденное. Для этого их приходилось дополнительно кадрировать, добавлять контраста и размывать задние планы. Глаза не позволяли работать долго, поэтому Александра стала ограничивать свои порывы снимать всё подряд и фотографировала меньше, но наверняка, как в её представлении и должен был поступать профессионал. Если, конечно, последнее слово вообще было применимо к тому, что она делает, ибо без особого видения, которым её наградила природа, предоставившая, наконец, возможность использовать его по назначению, никакие профессиональные навыки не смогли бы сделать то, что делала она.

Вскоре она стала получать подарки — то павлинье перо, лежащее прямо на камне, который попал в поле её съёмки, то корягу, напоминающую волшебный корень мандрагоры. Она принесла их в дом, чтобы устроить фотосессию. А корень мандрагоры отмыла от земли и познакомила со своей дриадой. Он как будто всю жизнь ждал этого момента и вёл себя более чем вызывающе. Скромная дриада, потупив взгляд, выслушивала его хвастливые истории о феноменальных способностях исцелять различные недуги, а когда он положил одну из своих сухих лапок ей на плечо, окончательно ушла в себя и больше не всту-

пала с ним в диалог. Отец в этот вечер смотрел на свою дочь испытующим взглядом и всё время о чём-то перешептывался с женой. Когда Александра выходила на кухню, шепот прекращался. В последующие дни с ней обращались очень бережно и подчеркнuto вежливо. Она понимала, что они опасаются за её психическое здоровье и втайне посмеивалась.

Однажды она выбрала для прогулки сад Отой, находящийся в получасе езды от дома. Она была там только однажды, несколько лет назад. Тогда её поразили парники с экзотическими растениями из разных уголков мира, но времени на то, чтобы обойти весь парк, не оставалось. В этот раз она начала с дальнего конца — Сквера поэтов, где вдоль тропинок лежали камни, напоминающие надгробные, на которых были высечены строки, принадлежащие французским поэтам ушедших эпох — начиная с Франсуа Вийона и заканчивая Луи Арагоном. Кого там только не было! Особое место было отведено Виктору Гюго, почитаемому во Франции не только за романы и стихи, но и общественную деятельность. Его бюст располагался возле огромной сосны. Она нагнулась, чтобы прочесть слова на стеле:

Когда я среди вас, деревья большого леса,
Во всем, что меня окружает и скрывает одновременно,
В вашем одиночестве, куда я вхожу один,
Я чувствую кого-то великого, кто меня слышит и любит.

Конечно, строки рифмовались — Гюго славился своим безупречным александрийским. И чуть позже она нашла в интернете перевод этих строк, который был отлично зарифмован, но не совпадал, как всегда, с оригиналом.

Когда я среди вас, то становлюсь собой,
Как будто защитит невиданно большой,
Не видимый нигде, но ощутимый Бог.
Неслышимо звучит органа старый рог.

Александра сфотографировала почти все камни со стихами разных поэтов эпохи просвещения и романтизма, символизма и сюрреализма, чтобы, придя домой, выучить несколько строк и хотя бы раз выступить перед своим другом в неожиданной роли эрудита. Она нагибалась десятки раз, чтобы рассмотреть строки Жана Расина и Эдмона Ростана, Жерара де Нерваля и Альфреда де Виньи, Жана де Лафонтена, Поля Валери, Артюра Рембо и

Гийома Аполлинера. Она обнаружила даже слова Маргариты Валу и Шарля д'Орлеана. Она открыла Луизу Лабэ, о которой никогда не слышала раньше — французскую поэтессу XVI века. Просмотрев её биографию, узнала, что её имя вызывает такие же споры, как и имя Шекспира и что многие ученые считают её литературной мистификацией. Особое место было отведено Александру Пушкину. Его бюст возвышался в некотором отдалении от французских поэтов возле тропинки, ведущей к другой части парка. На глаза навернулись слезы умиления — она ещё помнила некоторые стихи из школьной программы на родине и теперь с гордостью смотрела на знакомые черты, навевающие воспоминания из детства.

Александра окончательно призналась себе в любви к поэзии. Она никому не рассказывала об этом, живя в мире, состоящем из людей, погруженных в материю, где любое отклонение от предметности воспринималось как легкое помешательство. Исключение составляли её отец и тот самый парень, с которым она сейчас общалась. Он пришел в мастерскую не так давно и вскоре стал их неизменным клиентом и другом. Что касается отца, то он всё больше окунался в мир, загроможденный ненужными деталями, рекламными шаблонами и административными документами, отнимающими такое количество времени, что на досуг не оставалось ни минуты. Её это огорчало и радовало: предоставленная самой себе, она могла следовать внутреннему ритму. А ещё ей нравилось общаться с мастером тайцзи, открывшим своё ателье не так давно на соседней улице. Собственно говоря, общения как такового не было, но энергия, исходившая от этого немолодого подтянутого мужчины, когда он обучал своих учеников, в число которых вошла Александра, была красноречивей слов.

Размышляя обо всем этом, она незаметно для себя перешла в другую часть парка. Здесь не было камней с высеченными стихами, а люди сидели не на траве, а на скамейках. Она выбрала наиболее безлюдную часть и устремилась к огромному дереву, чтобы укрыться в его тени и попасть в то особое пространство, которое она научилась чувствовать за время общения с природой. Похоже, она была не одна в своём желании уединиться. В течение получаса в сторону дерева то и дело направлялись люди, но подойдя поближе и увидев фигуру женщины, проделывающей странные пассы, поворачивали обратно и располагались неподалеку на траве. Кто — с

телефоном, кто — с бутербродом, кто — с коляской. Через несколько минут к ним подходили служащие и вежливо просили уйти. Возможно, в этом месте были посеяны семена цветов. А, может быть, в этой части парка вообще запрещалось топтать траву. Каждый раз, когда служащие парка выгоняли кого-то, она ожидала своей очереди, продолжая всё же практиковать тайцзи в надежде завершить хотя бы один цикл. Её как будто не замечали в тени дерева. Смотрели в её сторону, поворачивались и уходили. Может быть, она слилась с тенью? Или с самим деревом?

Наконец, она закончила, поблагодарила дерево, сфотографировала его на память и только сейчас заметила теннисные тапочки, уютно облокотившиеся о ствол. Как будто тот, кто занимался здесь до неё, не забыл их, а решил окончательно, что по земле нужно ходить босиком и пошел куда-то в сказочное будущее. А будущее уже подкарауливало на страницах книги, которую она захватила, чтобы отдать своему другу. Каждый раз он приходил к ним в ателье с новой книгой. Он любил читать, и за год знакомства перед глазами его восхищенной подруги промелькнуло столько книг, сколько она не прочла за всю жизнь. Иногда он забывал чтиво при прощании, или делал вид, что забывал, чтобы найти предлог для следующей встречи. Так произошло и накануне. И теперь она присела на скамейку, чтобы заглянуть в мир, которым он жил последние дни. Книга называлась «Селестинские пророчества» и рассказывала об ученом, отправившемся в Перу на поиски девяти откровений, оставленных некогда индейцами майя. Она открыла книгу на первой попавшейся странице, ближе к концу и прочла пассаж о том, что в третьем тысячелетии люди будут жить поблизости деревьев и питаться их энергией. Вот так совпадение! — Она ощутила себя чуть ли не пионером нового способа существования. Уже полгода всё своё свободное время Александра проводила в лесах и парках и действительно чувствовала себя наполненной энергией как никогда до этого. Её даже перестало тяготить ощущение одиночества, которое она испытывала все эти годы эмиграции — общение с деревьями заменяло всё.

К тому же, как оказалось, деревья ничем не отличались от людей: они назначали свидания и встречались, увлекались балными танцами и росли парами, производили потомство и теряли свою половинку. Они болели, сгибая спины и усыхая, и сочувствовали упавшим, сломленным, срубленным. И, главное, —

тянулись ветвями к свету, прорастая новыми побегами.... О, как ей хотелось поведать о том, чем они живут, миру! Уже через несколько месяцев ежедневных фотосессий она собрала коллекцию невероятных сюжетов и стала оформлять их в папки, давая название каждой. Здесь были Танец и Пара, Свидания и Одиночество, Сочувствие и Наказание, Сердце дерева, Тайная жизнь ветвей и Духи срубленных деревьев....

Как-то во время работы образовалась пауза, и она сидела за компьютером со своими деревьями, распределяя фотографии по папкам. В ателье зашел посетитель.

— Я могу вам помочь? — вежливо обратилась она.

— Я ищу одинаковые рамки для серии фотографий... У меня скоро выставка.

— Вы — фотограф? — с таким восторгом воскликнула она, что посетитель улыбнулся, прежде чем кивнуть.

— А я тоже!.. Вернее, я только начала.... — она совсем смутилась. — Вот, посмотрите!

Он склонился над экраном.

Она показывала одну за другой фотографии и вдруг посмотрела на них посторонним взглядом. Из десятка увиденных её зацепила только одна. Она стала смотреть на остальные снимки так же отстраненно — и это помогло ей отделиться от своих эмоций. К концу просмотра она чуть ли не жалела, что показала незнакомому человеку такое количество неотобранного материала.

— Пора делать выставку, — фотограф выпрямился и посмотрел ей в глаза: — Хотите, познакомлю вас с хозяином одной галереи?

На её первую выставку, организованную совместно с мастерицей кукол, сотворившей некогда её любимую дриаду, собралось неожиданно много людей. Гораздо больше, чем собиралось обычно в небольшом, но престижном зале на набережной. Диковинные птицы и драконы, собаки и улитки, лошади и единороги предстали перед пораженными зрителями.

— Кто бы мог подумать, что обыкновенные пни могут принимать такие формы!

— А этих, где вы их откопали?

— Да они действительно влюблены! Посмотри на эту парочку! — пара молодых людей стояла напротив обнимающихся стволов.

— Бедненькие, неужели они так страдают? — Срубленные и упавшие деревья вызывали особенно много эмоций у посетителей. Реплики, которые она ловила краем слуха, радовали: люди откликались на изображения её любимых деревьев и всем сердцем включались в перипетии их невидимых жизней.

На открытие она совершила ритуал: торжественно вручила корень мандрагоры той, с которой началось знакомство с лесом — мастеру кукол. Её дриада стояла в центре зала с едва заметной надписью: *Не продается*. Ритуал был запечатлен на камеру её отцом, который по-прежнему не отличал дуба от клена. С некоторого времени он перестал упрекать дочь в отсутствии интереса к объекту, а также бросать подозрительные взгляды, когда она, уже за полночь, засидевшись за компьютером, то так, то эдак, крутила фотографию, отбирая самые выразительные из экспонатов. Её друг, прибежавший на выставку ещё до открытия, светился от счастья, а также от пары бокалов вина, всегда входившего в привычный ритуал любой презентации, дополняя творческую духовную часть вкусом земной радости. Он переходил от одного приглашенного к другому и — она была почти уверена, судя по смеху, который раздавался после его реплик, — рассказывал то одному, то другому посетителю историю с бомжом, который всем своим пропитым существом пытался прикоснуться к прекрасному.

Прошло немного времени после завершения выставки. Александра пришла в себя от неожиданного успеха и была горда тем, что не только окупила затраты на рамки и аренду, но и заработала. Она была пуста, как бывает пуст человек, который реализовал одно из своих желаний и теперь оглядывается в поисках другого. В тишине этой пустоты раздался звонок:

— Привет. Что делаешь вечером?

Она хотела по привычке ответить: иду к деревьям, но неожиданно услышала:

— А ведь мы ещё не отметили твою выставку! Я зарезервировал столик в ресторане....

Он такого приглашения отказываться не хотелось. Обычно они встречались в мастерской или в маленьких кафе во время перерыва, чтобы провести часок за чашкой кофе и обменяться новостями. Он был лет на десять старше, и его отношение к ней напоминало отношение брата, воспитывающего младшую сестру. Ей это нравилось. У неё не было большого

опыта общения с мужчинами. Первый любовный роман разочаровал её быстро — и она не торопилась завязать новый. Ресторан, в который её пригласили, заметно отличался от всех дешевых кафешек и закусочных, в которых ей приходилось бывать до этого. Они провели сказочный вечер. Её признание в том, что она никогда не пробовала ни устриц, ни лягушачьих лапок, вызвало целую бурю эмоций у её друга, и в этот вечер она, наконец, прошла боевое крещение или посвящение в таинства французской кухни. На обратном пути, он предложил заглянуть в антикварный магазин, ключ от которого всегда носил с собой. Он работал там много лет, пока не стал его владельцем. Она зашла туда впервые. Сегодня всё как будто происходило впервые. Как ни странно, но идея посетить его место работы никогда не приходила ей в голову.

В темноте пахло ветхим деревом. Он включил слабый свет — и первое, что ей бросилось в глаза — фотография, где она сидит на ветке плакучего бука в Булонском лесу, нависшего над озером так, что оно казалось скоплением слёз, стекающих со склоненных ветвей. В тот день она приехала со штативом, заранее облюбовав дерево, и сначала потренировалась карабкаться на толстые ветви, а после долго возилась с выдержкой, чтобы рассчитать точное время. Наконец, устроившись на самой прочной, нависающей над озером, сделала первую попытку. Посмотрела в кадр — поза показалась неестественной, как у людей, фотографирующихся на документы в ателье её отца. С энной попытки ей удалось найти естественное положение.

И сейчас в магазине своего друга она стояла напротив той, что слилась с деревом, обхватив колени руками и облокотившись о ствол. Сквозь ветви струился мягкий вечерний свет, волосы купались в лучах заката, и всё напоминало о любимой фигурке на комод... Её вернула в реальность мужская рука на плече. Она почувствовала близкое дыхание, приближение незнакомого ритма, но ещё продолжала смотреть на ту, что сидела на ветке, как смотрела на дриаду каждый вечер перед тем, как закрыть глаза.

В КАДРЕ

Я заметила твой силуэт ещё издали.

— И что ты здесь делаешь?

— Ем. Не видишь?

— Ты ешь... деревья?

— Нет, конечно — ягоды!

— А вдруг они ядовитые?

— Да нет. Это же тис.

— Тис?! Тисовые ягоды ядовиты! Это известно. Ими был отравлен герой романа Агаты Кристи «Карман, полный ржи». И няня из «Скрюченного домишки»!

— Поменьше читай Агату Кристи и побольше — трактат Авиценны, где тис ягодный — фитотерапевтическое средство.

— Да он же считается деревом смерти с древности! Даже тень этого дерева ядовита, — продолжала я гнуть своё.

— Не ядовита. Ни тень, ни ягоды. Только косточки.

— А вдруг ты косточку проглотишь?

— Ну, конечно...

Ты продолжала жевать, пока у меня в голове крутилась песенка шута из «Двенадцатой ночи»:

Пусть в последний приют мой земной
Ветви тиса положат.
Разделить мою участь со мной
Самый преданный друг не может.

— Ты что, сюда питаться пришла? — не выдержала я.

— А почему бы нет?

— Я думала мы сниматься пришли.

— Это ты сниматься пришла. С моей помощью. А мне для этого подкрепиться нужно.

— И долго ты собираешься подкрепляться? Солнце уйдет.

— Пять минут. Только баночку соберу.

Мне стало плохо: возле тебя стояла литровая банка, в которую ты старательно собирала мелкие ягоды.

— Да ты же их до закрытия парка будешь собирать! Перестань хотя бы жрать! Вспомни «Тайну Чёрных дроздов». Ягоды были добавлены герою в баночный мармелад. Баночка, кстати, твою напоминала, — сделала я последнюю попытку.

— Я всё делаю быстро, — ты проигнорировала все мои реплики.

Я собрала волю в кулак и открыла сценарий. Не успела дойти до конца, как услышала довольный голос:

— Всё. Я готова. Стихи повторяешь? Умничка.

Мы дошли до первой точки съёмки. Ты стала в позу боевой готовности — и я поторопилась начать.

— Я что, сказала начинать?

— А как я узнаю, когда нужно начинать?

— Для этого существует простое слово: экшен. Ты что, впервые снимаешься?

— За границей — да.

— Тогда слушай: экшен — начинаешь действовать, кат — заканчиваешь. Поняла?

— Поняла. Хотя действие — не самая моя сильная сторона, ты же знаешь. Мне уютней в моём внутреннем мире.

— Не отвлекайся. Экшен...

Как много жёлтых листьев
сентябрь срывает.
А мне казалось,
прощание лишь предстоит.

— Снято. Всё, что ли?

— Да. Это короткий верлибр.

— Понятно. А теперь — всё сначала... Экшен... Да ты погладь это дерево, обыграй как-нибудь стихи... Кат... Подожди, люди попали в кадр...

— Смотри, они тоже без масок!

— Без масок? Ты о чём?.. А, у тебя же карантин в голове...
Читай, давай, чего застыла?..

— А у тебя его нет?

— Нет.

— И эпидемии нет?

— Нет...

Я посмотрела на часы: прошло явно больше часа, допущенного последним постановлением французского правительства. Ты заметила мой жест:

— Давай, не тормози. У нас мало времени...

— А нас не оштрафуют?

— Не оштрафуют. Можешь гулять хоть целый день.

Я снова прочла четверостишие. Ты, как будто не заметила, что я закончила и продолжала целиться на меня огромной камерой, закрывающей твою голову.

— Я тебе разве сказала остановиться? Обрезать всегда можно... — ты деловито просматривала снятое.

— Не умею я монтаж делать...

— А кто его будет делать? Я, что ли?

— Я понимаю, какая это сумасшедшая работа...

— Да ничего сложного. Просто у меня времени нет... Ты быстро научишься...

— Не уверена.

— Так, хватит ныть. Некоторые без рук и без ног Ла Манш переплывают... Поехали. Экшен...

Неожиданный дар ноября.

Солнце нежности в робких аллеях

сохраняет от знойного дня,

поцелуем коснуться не смея...

— Ты чего в одну сторону смотришь?

— Да я текст не успела выучить. В книжку свою смотрю.

— Приехали. Не знать на память собственных стихов!

— Да я думала, успею до пятницы, а посмотрела — сегодня такое солнце, грех было не воспользоваться четвергом...

— Могла бы и подготовиться. С тех пор, как ты мне позвонила, прошло уже трое суток. У меня видишь — всё ок.

— Да, молодец. Не ожидала, что ты так спонтанно организуешься...

— Почему не ожидала?

Я вспомнила, как набрала тебя в полночь и бодрым тоном спросила:

— Как дела?

В голосе, прозвучавшем навстречу, послышалось недоумение:

— Какие дела?

— Неужели разбудила? — мне стало неловко. — Ты обычно поздно ложишься.

— Не разбудила. Но ты кому задаешь вопрос о делах?

— Тебе задаю. А как ты предлагаешь начать разговор?

— А как ты мне предлагаешь ответить на подобный вопрос?

— Обычно люди отвечают *хорошо* или *плохо*.

— Ты что, не понимаешь, что для меня *хорошо* и *плохо* — это одно и то же?

— Ой, только не нужно читать мне лекцию о дуальном мышлении, в котором погрязло человечество... Ты же деловая женщина... И у меня к тебе деловое предложение...

— В полночь?

— Хорошие идеи не всегда приходят в приличное время. Ты же сама знаешь... Я могу перезвонить и в другое время...

— Нет уж! Выкладывай своё предложение, если позвонила «деловой женщине» в такое время...

— Пойдем в парк...

— Вот это деловое предложение! Такого секса в полночь мне ещё никто не предлагал!

— Да ты не перебивай: будем фотографироваться...

— Ну, супер — отличный секс!

— Да тебе понравится!

— Не сомневаюсь.

— Да перестань. У меня есть идея: снять стихи...

— Ой, как романтично...

— Не ёрничай. У меня есть для этого небольшая камера...

— А ты вообще помнишь, кому ты звонишь?

— В каком смысле?

— А то, что у меня три профессиональных камеры и я на минуточку — гениальный оператор, удостоенный самой престижной премии...

— Ну, давай, пальцы веером...

— Нет, ты крутая!

— В смысле?

— Звонишь в полночь лучшему оператору страны и предлагаешь тебя снять...

— Минуточку. Я предлагаю совместно выгодную съемку. Ты — меня, я — тебя...

— Круто, — отрезала ты, не то соглашаясь, не то категорически отказывая.

— Конечно — круто. Ты же снимаешь всех, а тебя кто-то снимает?..

— Никто не снимает меня, несчастную.

— Вот видишь. А ты вообще-то красивая женщина...

— Вообще-то — да!

Твоё *да* прозвучало как окончательное *нет*.

— Ну всё, не хочешь — не нужно.

— Ладно, если тебе это доставит удовольствие... — неожиданно согласилась ты.

— При чем здесь удовольствие? Мне просто пора задуматься над тем, что я оставлю после себя. Я ведь уже не юная.

— Понимаю, понимаю...

— К тому же, я тебе предлагаю сделать совместную съемку, потому что ты откроешь удивительное место — мой любимый парк Багатель. Это — раз. И я тебя пофотографирую — два. В общем, ты должна протащиться, выражаясь твоим языком.

— Вот протащиться — это правильная мотивация. И главное — раствориться, стать частью целого.

— Звучит как угроза... Для моего эго.

— Конечно! Для тебя раствориться — это же потерять себя. А потерять себя можно только в любви. Но поскольку ты боишься любви...

— Всё. Предлагаю отложить твои софизмы и перенести разговор на другое время.

— Стоять!

— Давай не будем разыгрывать маркиза де Сада...

— А чем тебе Венера в мехах не нравится?

— Это уже не де Сад, а детский сад, честное слово. Я перезвоню завтра.

— Стоять! Я хочу знать, сколько ты *так* выдержишь, — твой голос зазвучал непривычно жёстко, и мне показалось, что всё это время я разговаривала с другим человеком.

— Как это — *так*?

— По стойке смирно. Ты же позировать собралась. Нужно тренироваться!

— Кто тебе сказал, что я стою? Я сижу в удобном кресле... Ты что, шампанское перепила?

— А что мне ещё делать в полночь, когда некуда податься? Кстати, я теперь на красное вино перешла. Оно лучше заземляет.

— Ах да, я забыла, что сейчас карантин — и ты не можешь отъехать больше, чем на километр от дома и всего на час.

— Это *ты* не можешь. А за меня не волнуйся. У меня всё под контролем. И документы нужные в любую минуту. Ты снова забыла, кому ты звонишь...

— Уже выучила наизусть.

— Идиотка. Для меня рост души важен, а всё остальное...

— Так, лауреат престижной премии, выразите тогда, пожалуйста, чётко ваши мысли и перестаньте оскорблять подругу...

— Да не буду я ничего выражать. Всё равно получится плоско — и меня стошнит.

— А ты попробуй! Подставь себе тазик... — я решила воспользоваться твоими любимыми интонациями.

— Да пробовала я. Не получается ни хрена. Пока мысль в слова обернётся, так обеднеет, что от неё ничего не остаётся. А если и остаётся, то как я тебе расскажу, что в этой реальности я, например, сейчас разговариваю с тобой, а в другой со мной происходят нечто совершенно иное... И последнее время всё чаще и чаще...

— Это называется раздвоением личности... Короче — шизофренией.

— Вот-вот...

— Да ты не расстраивайся. У меня, кстати, тоже последнее время ощущение какой-то неадекватности.

— Мда?...

— Да. Мне последнее время кажется, что карантин начался из-за меня...

— А это уже интересно...

— Потому что для моей сегодняшней реальности он комфортен: я могу писать, переводить, петь, посвящать время медитациям, книгам, семье. Мне не нужно никуда идти, ни с кем встречаться, тратить время своей души на ненужные разговоры, поиски работы, доказательства своей значимости... И вот, я сижу дома, брожу по парку, снимаю деревья и балдею от собственной полноты в созданной мною матрице, где людям запрещено выступать с концертами и спектаклями, потому что у меня не хватает на это энергии...

— Чувство вины — не самый лучший стимул для жизни...

— В этой матрице другие не могут путешествовать, потому что у меня не хватает средств на развлечения. Они не могут

встречаться, поскольку я, как ты заметила, боюсь влюбиться... Тогда как в другой матрице — параллельной — люди продолжают жить, как прежде. Но я этого не вижу...

— Эй... Поосторожней с такими идеями. Многим этот карантин по-настоящему мешает жить. Не блокируй пол страны своей асоциальностью!

— Издеваешься?

— Да нет. Я отлично знаю, как мысли создают реальность.

— Понятно. Значит, в этом у нас нет разногласий — крышу сносит обеим. Больше никогда не буду звонить тебе в полночь.

— Да звони, когда захочешь. Но главное — не забывай: ты можешь выбирать время так же, как и свою реальность. До встречи.

— Ну всё. Давай теперь меня снимать, пока солнце не ушло, — ты вернула меня в настоящий момент — и между тобой сегодняшней и ночной женщиной на другом конце провода наконец установилась связь, развеявшая странное послевкусие после ночного разговора.

— Да тут ещё масса великолепных мест!... Я только собиралась начитать самое интересное... На тропинке, в рамке... Там такие кадры — обалдеть! В рамке — просто программное стихотворение!

— Опять ты себя загнать в рамки хочешь. Нет, чтобы жить, наслаждаться неожиданными дарами осени, как в твоём стихотворении... Короче: дочитывать будешь дома. Звук не вытягивает, если я отхожу. Нужно отдельной дорожкой... Так, давай здесь, а то солнце уйдет. — Ты начала быстро раздеваться. На траву полетели брюки, свитер, бюстгальтер...

— Ты что, а вдруг кто-то увидит?

— Да наплевать. В театрах за кулисами все друг друга голыми видят. Никто ни на кого не обращает внимания...

— Ну, это всё-таки в гримерке, а тут — общественное место... парк...

— Платье подай, пожалуйста...

— Ты что, собираешься позировать босиком и с голой спиной? Не заболеешь? Ноябрь уж на дворе...

— Спокойно. В актерской профессии такие вещи как голод и холод не существуют. Начинаешь работать — всё остальное уходит... — ты улеглась на траву в расслабленной позе.

— Так это уходит, когда ты — с камерой, а когда лежишь на голой земле, позируя...

— Всё, снимай!

Камера с непривычки показалась нелёгкой, но снимать тебя было настоящим удовольствием. Выбранный фон как нельзя лучше подходил к причёске: зелёная трава и жёлтые опавшие листья, разбросанные рукой ветра беспорядочно и артистично, перекликались с цветом твоих волос.

Дерево,
моя мечта о красивой причёске,
все твои мысли
скрыты от посторонних.
И только зимой,
когда выпадают листья седые
и обнажается старость,
Ты беззащитна, как книга:
всякий тебя читает... —

звучали в голове непрочитанные стихи. Но меня уже захватила роль фотографа. Ты с лёгкостью и естественностью меняла позы, и мне было приятно следить камерой за сменой твоих настроений.

— Достаточно, — неожиданно остановилась ты, и я мысленно поблагодарила ноябрь, давший мне возможность вернуться к стихам: наверное, ты всё-таки начала замерзать, поскольку тут же принялась за поиски разбросанных на поляне вещей.

— Где же второй носок? — ты растерянно озиралась вокруг, опираясь на ногу с натянутым носком.

— Да ты спину сначала прикрой! Не дай Бог, воспаление легких подхватишь!

— Не подхватчу. Вот он... Помоги мне снять платье.

— Не могу. Оно не снимается. —

Где-то недалеко прозвучал свисток полицейского... Сейчас тебя обнаружат — и нас больше сюда не пустят, обреченно подумала я. Платье, как назло, как будто прилипло к телу.

— Может ты его через ноги надевала?

— Не помню, — честно призналась ты.

Свисток повторился.

— Да снимай же его!!!

— Не могу! Помоги.

— Я боюсь его порвать!

— Его порвать невозможно. Давай!

Я резко потянула за платье. Оно застонало, но выдержало, медленно карабкаясь вверх по нежелаящему расстаться с ним телу и оставляя тебя с голой грудью посреди открытой всем взглядам поляны.

— Где мой бюстгальтер? — по-деловому поинтересовалась ты.

— Не знаю, — ответила я, всё явственней представляя полицейского напротив.

— Так поищи!!! Не буду же я это делать в таком виде!

— А я думала, что в театре все так делают, — напомнила я язвительно

Я поискала — и нашла бюстгальтер у себя в кармане. Вот было бы забавно, если бы он выпал у меня из пальто уже дома. Перед моими глазами всплыло лицо мужа. *Ты что, решила поменять сексуальную ориентацию?* — расплзался его насмешливый голос.

— Держи, — я поспешила отдать тебе невесомый атрибут, занимающий в гардеробе женщины настолько же существенное место, насколько бесполезным он выглядит в мужских глазах. — Я, кажется, не заметила, что заранее его приготовила, пока ты носки искала... Нормальные люди вообще-то сначала грудь прикрывают...

— Не забывай, что мы во Франции, — бодро отпарировала ты. — В случае чего, я бы прикинулась Марьяной, и даже запела Марсельезу. Чем не символ Багатели? Ведь это «пустяк» — в переводе с французского, «безделушка», как воскликнул двадцатилетний граф д'Артуа, держа пари с Марией Антуанеттой на то, что построит дворец в будущем парке всего за шестьдесят дней!

— Так и у нас: чуть больше шестидесяти минут — и всё завершено, — невесело проконстатировала я.

Свисток полицейского, объезжающего парк, приближался, настойчиво приглашая к выходу. На какое-то мгновение мне показалось, что на нём нет маски, и я вспомнила наш ночной разговор, закончившийся на мысли, творящей реальность.

Я стала прощаться с тобой и заодно — с надеждой доснять всё, что задумала, осознавая всё явственней, что прожитое важнее результата. И если не получится закончить видео или смонтировать фотографии, останется воспоминание о солнечном подарке ноября, в котором слились воедино проявленные и непроявленные миры и растворились клише и границы, а также ночные страхи и дневные ограничения, кажущиеся иногда реальными картинками.

ЕЕ ДЕРЕВО

— А как ты себя чувствуешь? — голос подруги заражал бодростью и оптимизмом.

— Только начинаю себя чувствовать, представляешь? Столько лет душа пыталась говорить со мной через тело, а я не слышала её голоса.

— Тогда я очень рада за тебя — ты на верном пути. А физически?

— Ну, я только начинаю идти, поэтому ещё не исцелилась окончательно... Но мне гораздо лучше. — Она поспешила закончить разговор, чтобы выйти из душной машины. Но едва отойдя, почувствовала головокружение и замедлила шаг. И вдруг увидела пожилого человека, фотографирующего на планшет дерево. Это было её любимое дерево, которое она снимала много раз весной, удивляясь, насколько оно похоже на страдающего от боли человека. Как ни странно, соседнее дерево с ровным стволом не привлекало её внимания и попадало в кадр только ради сравнения. Она с гордостью показывала фотографии окружающим, пока не услышала:

— А почему ты фотографируешь больные деревья? Разве ты любишься больными людьми?

Тогда она не обратила внимания на фразу подруги, и только сейчас она всплыла, давая понять, что это дерево, так же, как и все другие, которые притягивали её внимание последнее время, были отражениями её души. Ты больна! — кричали они ей языком жестов. Но она оставалась глуха.

— Это дерево я фотографировала много раз, — бросила она фразу человеку, стоявшему с планшетом.

— Вот как? — доброжелательный тон его голоса тем не менее вовсе не говорил о желании остановить съемку и продолжить разговор.

Она прошла ещё несколько метров и поняла, что далеко уходить опасно: можно упасть в любую минуту. Посмотрела под ноги, чтобы убедиться в твердой опоре и почувствовала себя уверенней.

Я смотрю на дорогу, — повторяла она, чтобы зацепиться за слова и не упасть. А потом изменила фразу: когда я концентрируюсь на дороге, у меня меньше кружится голова. А потом изменила ещё: когда я иду своим Путём, у меня перестает кружиться голова!

Она так обрадовалась найденной фразе, что посчитала прогулку завершённой и повернула обратно.

— Так вы говорите, что фотографировали это дерево? — мужчина складывал планшет в рюкзак.

— Да, но не понимала, зачем. А сейчас понимаю: оно несло для меня персональное послание. Я фотографировала все высохшие и больные деревья, не понимая, что это моя душа больна. Вот, видите — следствие? — она смущенно указала на свой ошейник.

— Да, это дерево, несущее послания, — подхватил он, не заметив её жеста. — Его хотели срубить, но я заклеил метку клеем. Только вы никому не говорите. Вот, смотрите. Я нашел на земле и наклеил кору на метку.

— О, здорово! Огромная вам благодарность от этого дерева от людей, которым оно ещё может принести послания. Было бы обидно, если бы его срубили.

— Да, человечество больно и нуждается в посланиях... А вы видите это место, которое я заклеил? Это тоже послание. Посмотрите внимательно.

— Сейчас сфотографирую и посмотрю на снимок дома. А как вы его заклеили?

— Обыкновенным клеем для дерева. Видите? Я надеюсь, они не заметят...

— Похоже на слезы...

— А потом я залез наверх...

— Как же вам это удалось?

— Просто карабкался! Голыми ногами и руками.

Она вспомнила, как сама не так давно забралась на ветку плакучей ивы — правда, та была более доступна — и с каким удовольствием сидела там, не желая опускаться на землю. А потом смеялась, рассказывая друзьям:

— Представляете, это же надо было провести в университете восемь лет и всю жизнь сгибаться над письменным столом, чтобы в конце концов понять, что быть обезьяной на ветке — не так уж плохо.

— Ну, какая же ты обезьяна! Ты, скорее, дриада, — отвечали самые продвинутые.

Она посмотрела на ноги мужчины. Он носил сандалии без носков. Наверное, чтобы карабкаться в любую подходящую минуту.

— Невероятно! — наконец отреагировала она на его реплику.

— Сейчас найду видео...

— Да я вам верю. Вопрос в том, для чего вы это сделали: для дерева или для себя?

— Я вскарабкался, чтобы просто взглянуть сверху на то, что происходит внизу... Поскольку в повседневной жизни я растворен в прошлом настоящем и будущем...

— В каком смысле — растворён?

— Я хочу сказать, что нет прошлого, настоящего и будущего, а есть...

— Одновременность?

— Да! И чтобы увидеть эту линейность человеческого мышления, нужно подняться над ним, обрести измерение.

— А разве невозможно его обрести, приставив лестницу и не рискуя своей жизнью?

— Нет. Поскольку чтобы трансцендировать, нужно усилие. Я вам скажу больше: когда я оказался там, я понял, что смогу в будущем перелезть с одной ветки на другую на соседнем дереве...

— А не проще перейти от одного дерева к другому, тем самым сократив путь?

— Конечно проще. Это то, что делает всё человечество. Но это кратчайший путь. В нем нет отстранения и измерения, которое появляется, когда человек преодолевает, поднимаясь над плоской картиной, а потом преодолевает ещё и ещё... Человечество слишком привыкло жить в комфорте. В замках, огороженных глубокими рвами. Со всеми предоставленными удобствами...

— Простите, я вынуждена вас оставить. Вы мне уже подарили столько посланий, что мне нужно их срочно переварить.

— Конечно! — он совсем не выглядел обиженным. — И не забудьте про послание на стволе!

— Не забуду. Но для меня оно может быть отличным от вашего.

— Конечно. Все люди разные.

Она повернула к машине. Теперь прогулка была действительно исчерпана. Она с благодарностью думала о тех, кто спас её этим летом и вспоминала другое дерево, которое фотографировала десятки раз, перед тем, как однажды прийти к нему, но увидеть срубленный ствол, из которого уже прорастала новая жизнь. Её оставили жить в этом теле на этой земле, а её больное дерево постепенно выпрямляло спину и покрывалось зелеными листьями. Она, конечно, знала, что и это дерево когда-либо всё равно снесут, и что мужчине удалось продлить ему жизнь только на короткое время. Но уходя от образа всё дальше, повторяла: я — уже не это больное дерево, я разогну свой позвоночник, научусь опираться на себя, свою силу, питывать себя соками земли и тянуться к небу, насыщаясь дождями и ветрами, радоваться жизни. И я не дерево рядом. Мне не нужно выбирать между ними. Просто подняться и посмотреть сверху вниз, объединяя ровное и кривое, здоровое и больное.

Она шла по тропинке, и ей казалось, что головокружение уменьшилось. Дома, посмотрев на фотографию, на которой были запечатлен заклеенный участок ствола, она ничего не обнаружила. Больные деревья больше не несли ей посланий.